

А я тебе всё золото земли
не обещаю... Что-нибудь попроще.
И звёзды с неба не сниму... Возьми
всё золото берёз осенней рощи!

Сегодня я богат. Здесь всё моё.
Живи в моём невыдуманном мире:
шалаш в лесу, ручей внизу, ружьё,
костёр высокий посреди Сибири!

Я сам сюда вернулся—блудный сын!
А сколько лет в разлуке? Семь? Иль восемь?
Под эту синь, под эту сень осин,
под эту ослепительную осень

пришёл от разных дел и новостей,
чтоб помолчать светло и покаянно
и где-то на семнадцатой версте
упасть лицом в траву лесной поляны.

Я здесь, в лесу, где дальние кусты
рябины—словно маленькие взрывы,
учусь искусству разжигать костры,
учусь гасить случайные порывы.

Я жгу в костре ненужные слова,
хоть нет от них мне ни тепла, ни света!
И слушаю, как ухаёт сова,
скрипит сосна неподалёку где-то.

Она не умолкает ни на миг.
И ощущаю я биенье пульса
моих берёз, моих осин, моих
цветов и трав, к которым я вернулся.

Не нажил ничего. Хоть много прожил.
И вот теперь—прощайте! Уезжаю...
Простите все, кому остался должен.
Я вас прощаю!
Вы оставайтесь. Я не помешаю.
Ни слёз из-за меня, ни радости со мной
уже не будет. Я ль тому виной?
Я вас прощаю...

Перед причалом твоим

Уезжая за тысячу вёрст,
Вдруг увидишь на телеэкране
Красноярскую ГЭС, Дивногорск...
И—обратно в свой город потянет.
Тропы в листьях опавших берёз
И дома, что со скалами вровень.
Улыбается наш Дивногорск,
Хмурит сосен мохнатые брови.
Как привычный родной человек:
Вот он—хмурится, вот он—смеётся.
Он такой—от рожденья—навек.
Мы—уходим.
А он—остаётся.

Если комната—словно склеп,
А на улице рвутся мины,—
Для чего мне насущный хлеб?!
Говорится ж: не хлебом единым...
Я как в противотанковом рву—
Здесь, на улице. Но—свободен!
Может, тоже я танк взорву
Или что-нибудь в этом роде...
Вы меня не учите жить.
Вы мою испытайте смелость!
Лезет вновь на мои рубежи
В лоб, в атаку отборная серость!
Рукава до локтей—в закат.
Автоматы—наизготовку.
Через миг я брошусь назад
И отброшу свою винтовку.
Но пока этот миг впереди.
Я стреляю. От пороха горечь.
Кто там следующий? Подходи!
Есть патроны на всякую сволочь!
Отползли... залегли за версту.
Сто прицелов меня караулят!
Ну а если невоююту—
Есть в запасе
Последняя пуля.

● ● ●
Если ж в праздник надоест мне дома
Сохранять молчания печать—
Стану в праздник возле гастронома,
Буду оглушительно молчать!
Помолчу проходим и пижонам,
Равным абсолютному нулю,
Что, мол, зрею, зрею убеждённо,
Вот созрею—вот уж прогремлю!
Я живу почти что так, как каждый.
Всё взрослою, стало быть, расту.
Кажется мне, что и я однажды
На своём ответственном посту
Промолчу, когда кричать охота...
Не беда, другие прокричат!
Это, братцы, сложная работа—
Вовремя и к слову промолчать...

● ● ●
Я—один. Замерзающий инок.
На сто вёрст—ни единой души.
Паутиною белых снежинок
кто-то сумрачный вечер прошил.
Я живу в ожидании встречи:
где вниманьем её почтить?
Тяжким грузом ложатся на плечи
все несбывшиеся мечты.
Я брожу по пустому небу.
Я—отверженный в звёздном краю.
Словно странник, просящий хлеба,
я у окон твоих стою.
Тишина... Ни огня, ни звука,
ни улыбки, ни взгляда нет.
Ночь—постылая старая сука—
приласкалась в тиши ко мне.
Вот и стой под окном и тоскуй.
Тишину, застывая, слушай.
И корявый ночной поцелуй
навсегда запечатал душу.
Всё мне чудится странный сон,
от него я в ночи просыпаюсь:
я—могильщик своих похорон,
горсть земли на свой гроб бросаю.
А потом над холодным холмом,
снег накинув, как плащ, на плечи,
чуть ворочая языком,
говорю я прощальные речи.
Мол, погиб он в расцвете сил.
Был он молод, и бодр, и весел.
Был изгоем. Поэтом был.
И ушёл, не допев своих песен.
И теперь ничего не надо—
ни забот, ни кошмарных снов!
Мать-земля! Из твоих сынов
он один из достойнейших
Ада...

● ● ●
Чего мы ищем, убегая?
Какой нас хлещет в спины бич?
Какого призрачного рая
мы все стараемся достичь?
Пора смирить свою натуру.
Не то, споткнувшись как-нибудь,
накроет сдуру амбразуру
твоя единственная грудь.
Решать проклятые вопросы?
О стенку биться головой?
Уж лучше Александр Матросов
вернулся с фронта бы живой!
Увы! Снарядов было мало.
А дот всё бил и бил под дых!
А дураков всегда хватало—
нас, безымянных, рядовых.

● ● ●
Всё просто. Всё обыкновенно.
Жизнь бьёт не только кулаком.
Жизнь бьёт мелодией Шопена...
Бьёт, не жалея ни о ком!
Всё просто. Всё обыкновенно.
Мораль любого подлеца
внеклассова и вневременна.
Ей нет начала. Нет конца.
Меня воспитывали много.
Учили жить. Учили пить
и не пьянеть. В карман за словом
не лезть. Обманывать. Любить.
Любить не так, чтоб в злую полночь
срываться: «Без неё не жить!»
А просто—знать. А просто—помнить.
И забывать. И вновь любить.
Учили подличать. Сгибаться
перед началом всех начал.
В лицо учили улыбаться
вышестоящим сволочам.
Я с детства был способен очень.
Но в жизни встанет в горле ком,
и до конца прожить захочешь
бездарнейшим учеником!
Всё почему-то не доходит:
простые истины, и те
в своей нагольной простоте
для сердца—сложных формул вроде.
Живой—и вроде неживой.
Свободен вроде, а стреножен.
По пустякам из кожи вон
готовый выскочить. И всё же
живущий в ней. Дрожащий в ней
с постылой маскою кретина...
То ль бессловесная скотина,
то ль просто тень среди теней...

Наверно, потому, что не могу
забыть всё то, что должно бы забыться,
мне нравятся задумчивые лица,
что всё пережитое берегут.
Наверно, потому, что не могу
всё то, что помню, передать словами,
я молчалив, неразговорчив с вами.
Простите мне задумчивость мою!

Легко писать,
Позванивать строкой,
Лишь «о себе, любимом» беспокоясь?

...Несовершенство совести людской
По вечерам мою тревожит совесть.
Из-за стола встаю. Курю. Мечусь!
А за окном темно. Тревожно. Пусто.
Несовершенство человеческих чувств
Моё, земное, сковывает чувство.
Вдоль тротуара, там, где фонари,
Горланит песню труженик советский!
А мне не то что петь—поговорить,
Сказать по чести, откровенно, не с кем.
А тут—стихи... придёт же дурню блажь!
Бумагу—смять!
С ней разговор короткий.
Я вдребезги ломаю карандаш
И отправляюсь в магазин.
За водкой.

Художникам Старого Скита

Бродяги, смертники, изгои...
Весь мир нам кажется чужим.
Живём, не дорожим собою
и перед смертью не дрожим.
Нам в этой жизни невозможной
всего страшнее суета.
И вот звучат тоской острожной
все песни Старого Скита.
Теряем кисть из рук умелых.
Теряем смысл. Теряем цель.
Летит вдоль стен заиндевелых
горизонтальная метель.
Банальна жизнь. И смерть банальна.
Тоска банальна. И беда.
И мы почти горизонтально
летим, не ведая куда!
Летим, летим над милым краем,
где нам открыты все пути.
Вот так над жизнью пролетаем.
Так над судьбою пролетим...

На каждый мной прожитый день моей жизни
Приходятся сотни и тысячи лет,
Прошедших и будущих жизней Отчизны,
Ушедших, грядущих людей на Земле.
Но каждый ушедший мой, прожитый мною
От первого солнечного луча
До первой звезды над вечерней горою,—
Лишь мой! И лишь мне за него отвечать!
И я отвечаю, кричу, надрываюсь,
Но голос мой глохнет у самого рта,
Как будто с крутого обрыва срываюсь,
Лечу и лечу.
И внизу—пустота...

Завидую художникам и грузчикам!
Завидую завидной силе их!
Вот почему мне кажется игрушечным
Мой самый лучший, мой последний стих...
Цель творчества—не слава, не забава,
Такое состояние души.
Почувствуешь в себе такое право—
Бери перо иль кисть, садись пиши!
Что зря судить? Попробуйте, проверьте:
Вот вам—перо, вот—кисти! С Богом! В бой!
Попробуйте-ка сами на мольберте
Изобразить хотя бы... дом с трубой.
Попробуйте, взвалите-ка на плечи
Такую ношу! Ежедневный суд...
Когда, бывает, и дышать-то нечем,
Они идут. Они свой груз несут!
...Не мне судить о творческой манере.
Я знаю: вдохновенье—это Труд.
...Всем хочется, чтоб люди поумнели.
Художники для этого живут.

Никто нам ни в чём не поможет,
Живём в этой смуте пока.
Лишь вскрикнешь: «О Господи Боже!»
Судьба, как и встарь, нелегка...
И шепчешь кому-то: «Послушай!
Возьми—за четыре гроша».
Да кто позарится на душу?
Кому оно надо—душа?